

116

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗВѢДКИ

ВЪ АЛУШТѢ

И

ЕЯ ОКРЕСТНОСТЯХЪ

ВЪ 1886 ГОДУ

В. О. МИЛЛЕРА

(ИЗЪ XII ТОМА „ДРЕВНОСТЕЙ“)

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леоптьевскій пер., № 5.

1889

716

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗВѢДКИ

ВЪ АЛУШТѢ

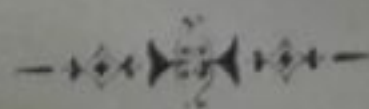
И

ЕЯ ОКРЕСТНОСТЯХЪ

ВЪ 1886 ГОДУ

В. О. МИЛЛЕРА

(ИЗЪ XII ТОМА „ДРЕВНОСТЕЙ“)

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.

1889

Археологическіе развѣдки въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ въ 1886 году.

В. Ф. Миллера.

(Съ двумя таблицами).

Самое раннее историческое свидѣтельство о существованіи укрѣпленія, вокругъ котораго ютится нынѣшняя татарская деревня Алушта, принадлежитъ византійскому писателю Прокопію, состоявшему въ 562 г. въ Константинополѣ городскимъ префектомъ (*prefectus urbanus*) и написавшему специальный трактатъ о сооруженіяхъ императора Юстиніана. Въ этомъ сочиненіи Прокопія сохранилось для насъ слѣдующее любопытное извѣстіе: „Когда Юстиніанъ (527—565) узналъ, что стѣны Воспора и Херсонеса, городовъ приморскихъ, лежащихъ на берегу за Мэотійскимъ озеромъ, Таврами и Тавроскиѳами, на границахъ Римской (Византійской) Имперіи, пришли въ ветхость, то онъ ихъ прекрасно и прочно возстановилъ. Тамъ же построилъ замокъ, называемый Алустонъ и замокъ въ Горзувитахъ“¹⁾. Изъ дальнѣйшихъ словъ того же писателя явствуетъ, что на побережьѣ, въ области Дори, съ давнихъ временъ поселились Готы, племя германскаго происхожденія, которые отдѣлились отъ главной массы своихъ единоплеменниковъ, не послѣдовавъ за царемъ Теодорикомъ въ Италію въ 488 г. Во время Прокопія, Готы были союзниками Римлянъ, считались отличными воинами и искусными земледѣльцами. Число ихъ опредѣляется въ 3000 человекъ. Объ области Готовъ тотъ же писатель говоритъ: „страна эта (Дори), хотя и занимаетъ возвышенность, не слишкомъ дика и

¹⁾ Нынѣ развалины близъ Гурзуфа.

сурова, но пріятна и приносить превосходные плоды. Въ ней ни крѣпостей, ни городовъ императоръ никогда не строилъ по той причинѣ, что жители не терпятъ, чтобы ихъ запирали въ стѣны, но любятъ жить въ сельскомъ быту. Тамъ же, гдѣ представлялся легкій доступъ для непріятелей въ ихъ страну, онъ (Юстиніанъ) преградилъ проходы длинными стѣнами и обезопасилъ Готовъ отъ непріятельскихъ набѣговъ²⁾.

Какъ ни важны эти свидѣтельства Прокопія, они однако не представляютъ достаточной ясности, такъ какъ топографическія свѣдѣнія этого писателя относительно Таврическаго полуострова довольно сбивчивы. По прочтеніи текста Прокопія, невольно является вопросъ: гдѣ слѣдуетъ искать область Дори, нѣкогда обитаемую Готами? Мы знаемъ только, что эта область лежала при морѣ, была гориста и изобиловала плодами. Все это указываетъ на южный берегъ такъ же, какъ и то обстоятельство, что область Дори упоминается непосредственно послѣ Алустона и Горзувитскаго замка. Можно отмѣтить, что патріархъ Никифоръ, написавшій исторію Византіи отъ 602 — 770 г., упоминаетъ о крѣпости Доросъ въ предѣлахъ Готѣи, куда скрылся Юстиніанъ II въ 702 году. Но это указаніе не разъясняетъ вопроса о точномъ положеніи области Дори, которую мы можемъ искать по южному берегу на пространствѣ отъ Балаклавы, на западѣ, до Судака, на востокѣ, въ виду того, что по договору 1380 года, заключенному, съ согласія Монгольскаго хана Кипчакской орды Тохтамыша, между владѣльцемъ Солката (Стараго Крыма) Черкесь-беемъ и консуломъ города Кафы Янономъ-де-Боско, это пространство земли подъ названіемъ Готѣи было уступлено Генуѣ и отдѣлено отъ ханскихъ владѣній. Однако въ VI вѣкѣ, когда писалъ Прокопій, очевидно нельзя принять, что область Готовъ занимала такое обширное пространство. Названіе Готѣи было впослѣдствіи обобщено и расширено при дѣленіи византійскихъ владѣній въ Крыму на епархіи. Извѣстно, что многочисленность церквей и густота населенія побудила византійскихъ императоровъ раздѣлить крымскія владѣнія на 4 епархіи: Сугдайско-фульскую, Воспорскую, Готѣйскую и Херсонійскую. Изъ этихъ епархій въ концѣ IX в., при императорѣ Львѣ Философѣ, епархія Сугдайская была по списку 35-ой, а Готѣя, имѣвшая особаго архіепископа, считалась 34-й епархіей. На западѣ же Готѣская епархія соприкасалась съ Херсонійской²⁾.

Возвращаясь къ Готской области Дори, упоминаемой Прокопіемъ, мы должны заключить, что она лежала гдѣ-нибудь по близости Гурзуфа и Алушты, не заходя на востокъ далѣе послѣдняго мѣста, кото-

2) Титулъ готѣскаго митрополита сохранялся до послѣдней четверти 18 вѣка (1786), когда уже не осталось и слѣдовъ отъ древняго готскаго населенія южнаго берега.

рое административно принадлежало къ области Судака. По крайней мѣрѣ, деревня Алушта, по турецкому административному дѣленію, можетъ быть, совпадавшему съ византійскимъ епархіальнымъ, относится къ Судацкому кадылыку. Есть основаніе думать, что важнымъ пунктомъ Готской епархіи была мѣстность, на которой въ настоящее время расположена деревня Партенить. По крайней мѣрѣ, здѣсь, по свидѣтельству греческой надписи, найденной въ началѣ 70-хъ годовъ, былъ построенъ архіепископомъ города Θεодоро и всей Готѣи, св. Іоанномъ Исповѣдникомъ, жившимъ въ концѣ VIII вѣка, обширный храмъ, впоследствии возстановленный, въ началѣ XV вѣка, митрополитомъ города Θεодоро и всей Готѣи Даміаномъ. Св. Іоаннъ Готскій, какъ извѣстно изъ житія, происходилъ изъ земли Тавроскиѳовъ, подчиненной власти Готовъ, именно изъ торговища, называемаго Пареениты, и былъ сыномъ Льва и Фотины ³⁾. Въ настоящее время, благодаря изслѣдованіямъ Бруна, Караулова, Васильевского, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что главный городъ Готѣи Θεодорѣ представленъ развалинами Мангупа ⁴⁾. Но развалины обширной монастырской церкви, построенной въ Партенить св. Іоанномъ готскимъ, свидѣлствуютъ о томъ, что и это древнее поселеніе, лежащее между Алуштой и Гурзуфомъ, по крайней мѣрѣ, въ VIII вѣкѣ при Іоаннѣ Готскомъ, было „подъ властію готскою“, и что, слѣдовательно, поселенія готовъ существовали въ этой части южнаго берега по всей вѣроятности, и раньше, т. е. въ VI вѣкѣ, когда Юстиніанъ построилъ крѣпости Алустонъ и Гурзувитъ и защитилъ готовъ стѣнами отъ сѣверныхъ народовъ.

Однако пришлые готы, водворившіеся на южномъ берегу, застали уже въ этихъ мѣстахъ осѣдлое, земледѣльческое населеніе эллинскаго и, быть можетъ, иного происхожденія. Слѣды Эллиновъ сохранились во многихъ топографическихъ названіяхъ, относящихся къ очень отдаленнымъ временамъ. Такъ уже Скимнъ Хіосскій (въ концѣ 1-го вѣка до Р. Х.), въ своемъ описаніи міра, упоминаетъ поселеніе Лампадъ и мысъ Кріуметопонъ (нынѣ Аюдагъ). Первое имя соотвѣтствуетъ, безъ сомнѣнія, нынѣшнимъ татарскимъ селеніямъ Кючюкъ и Бююкъ Ламбать. Точно также къ древнѣйшимъ временамъ относится греческое названіе деревни Партенить. Съ какого времени во всѣхъ этихъ мѣстахъ являются греческія поселенія — совершенно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, они восходятъ, какъ греческія колоніи въ Херсонесѣ, Пантикапѣйонѣ, Танаидѣ, на Тамани и друг. къ періоду, предшествовавшему христіанской эрѣ.

³⁾ См. Житіе Іоанна Готскаго — въ статьѣ В. Т. Васильевского — Русско-византійскіе отрывки — въ Ж. М. Н. Пр. 1878. Январь, стр. 126.

⁴⁾ См. Brunn—Notices etc. Васильевскій—н. с., стр. 149.

Однако, помимо эллинского слоя населенія, въ названныхъ мѣстахъ южнаго берега жило нѣкогда населеніе неэллинскаго происхожденія. Древнѣйшими, упоминаемыми исторіей, жителями южнаго берега и горъ были такъ называемые Тавры, народъ неизвѣстнаго племени, ославленный дикостью и жестокостью своихъ нравовъ. По свидѣтельству Перипла Скилакса Каріандскаго, „на границахъ Скиѣи народъ Тавры населяютъ выдавшуюся часть материка; этотъ мысъ простирается до моря ⁵⁾. Въ Таврикѣ живутъ и греки и города ихъ: Херронесъ — пристань, Кріу-метопонъ — мысъ Таврическій“. Потомъ опять Скиѣи „и у нихъ города: Θεοδοσία, Китея, Нимфея, Пантикапэонъ, Мирмикіонъ“. Нынѣшній Аю-дагъ или древній Кріу-метопонъ (Бараній лобъ) былъ, повидимому, мѣстомъ священнымъ у Тавровъ. Къ этой части Таврики, по преданію, занесенному Скимномъ Хіосскимъ, пришла когда-то Ифигенія, похищенная изъ Авлиды. По словамъ того же писателя, „толпы Тавровъ многочисленны и любятъ кочевать въ горахъ; по свирѣпости нравовъ они варвары и смертоубійцы, старающіеся умиловить божество нечестивыми дѣлами“. Эти нечестивыя дѣла, какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, состояли въ томъ, что Тавры, въ честь своей богини, которую классическіе писатели сближаютъ съ Діаной-Артемидой, приносили въ жертву плѣнныхъ, обезглавливая ихъ и сбрасывая трупы со скалы въ море; головы казненныхъ они привязывали къ длиннымъ шестамъ, которые водружали на кровляхъ своихъ домовъ. Тавры слыли въ древнемъ мірѣ за дикарей: они употребляли въ питье кровь перваго плѣннаго, другимъ выкалывали глаза, а съ нѣкоторыхъ сдирали кожу и сшивали себѣ изъ нея одежды и покрывала конямъ; черепа же убитыхъ враговъ обращали въ сосуды, покрывая внутренность ихъ позолотой.

Если, быть можетъ, эти извѣстія о дикости Тавровъ и преувеличены, то во всякомъ случаѣ намъ нужно представить себѣ этотъ народъ въ состояніи, граничащемъ съ дикостью. Къ сожалѣнію, о языкѣ и племенной принадлежности Тавровъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

Вѣроятно, отъ древнихъ Тавровъ слѣдуетъ отличать то населеніе Тавриды, которое Греки называютъ Скиѣами и Сарматами. Главная масса Скиѣовъ во времена Геродота, какъ извѣстно, кочевала въ южно-русскихъ степяхъ, между Днѣпромъ, Бугомъ и Дономъ, а за этой рѣкой и на побережьи Мэотиды кочевали Сарматы. Тѣ и другіе были хорошо извѣстны греческимъ черноморскимъ городамъ — Херсонесу, Ольвіи, Пантикапее и друг., которые для сохраненія своей торговли и богатствъ вступали въ союзъ съ предводителями скиѣскихъ ордъ и

⁵⁾ Т. е. Таврическій полуостровъ.

платили имъ дань. Въ виду того, что названіе „Скиѣы“ стало въ послѣдствіи собирательнымъ именемъ для всѣхъ южно-русскихъ кочевниковъ и того, что Элліны плохо различали языки варваровъ, мы не имѣемъ возможности опредѣлить, къ какому скиѣскому племени принадлежали Скиѣы, упоминаемые писателями на Таврическомъ полуостровѣ. Извѣстно, что Скиѣы не представляли однородной племенной массы, а дѣлились на нѣсколько колѣнъ, изъ которыхъ одно (царскіе Скиѣы) представляло господствующую орду, жившую еще вполнѣ въ номадномъ состояніи. Другія скиѣскія племена (Скиѣы пахари и земледѣльцы) жили уже, повидимому, частью въ земледѣльческомъ быту, были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ греческими понтійскими колоніями и отчасти подчинились ихъ культурѣ. Не касаясь труднаго вопроса о національности припонтійскихъ Скиѣовъ (Сколотовъ), можно только съ увѣренностью сказать въ настоящее время, что *одинъ изъ этнографическихъ элементовъ*, входившихъ въ составъ такъ называемаго скиѣскаго населенія, былъ элементъ иранскій. Иранство несомнѣнно засвидѣтельствовано въ массѣ собственныхъ „варварскихъ“ именъ, встрѣчающихся въ греческихъ надписяхъ, особенно Ольвіи и Танаиса. Въ иранствѣ же Сарматовъ, по Геродоту, соплеменныхъ Скиѣамъ, не сомнѣваются въ настоящее время всѣ спеціалисты въ древней этнографіи. На присутствіе иранскаго элемента, подъ именемъ скиѣскаго, въ Тавридѣ указываютъ нѣкоторыя топографическія названія, находящія себѣ объясненіе въ иранскихъ языкахъ. Такъ упоминаемое древними мѣстное, *туземное* названіе города, названнаго Греками Θεοδοσίей (божье даяніе), было, по свидѣтельству анонимнаго составителя *перипла* Понта Евксинскаго, Ардавада или вѣрнѣе Авдарда, что, по толкованію грековъ, значить *семибожный*. Это туземное имя находитъ себѣ объясненіе въ иранскомъ числительномъ, означающимъ 7 (срав. зендск. *hapta*, осетин. *авд*, н. пер. *haft*) и въ словѣ *Arda*, которое встрѣчается въ древнеперсидскихъ клинописныхъ памятникахъ, въ названіи высокой постройки, *Arda-stana*, или въ имени города Багарда въ Паропамизѣ (*Baga* = богъ), въ Зендавестѣ *egedwo*—значить „высокій“, ср. латин. *arduus*. Ближайшій къ Θεοδοσίи крупный приморскій городъ Сугдая (нынѣ Судакъ) также носитъ иранское названіе. Византійское названіе Сугдая объясняется изъ др. персидскаго *Suguda* — *святой, чистый*, въ Зендавестѣ *суγδα*, осетин. *сугдäг* — *чистый, святой* (сравн. названіе иранскаго народа Σούδιοι и страны его Согдіаны). Мысъ Кріуметопонъ, показанный у Плутарха (*de flum.*) неправильно, при устьѣ Дона, по его словамъ, носилъ у туземцевъ названіе Вриксава, которое значило *бараній лобъ*. Объясненіе первой части этого варварскаго имени находимъ въ осетинскомъ *уäріг* — *барашекъ*, а для второй можно, кажется, привлечь осетинское слово *сіуä*, означающее, впрочемъ, не *лобъ*, а *рогъ*;

уарігсіуа—значить *бараній роіъ*. Можетъ быть, греческій переводъ туземнаго имени былъ не совсѣмъ точенъ.

Представителями иранскаго элемента на Таврическомъ полуостровѣ еще въ началѣ среднихъ вѣковъ были Аланы, главная масса которыхъ жила далѣе на востокѣ въ сѣверо-кавказской равнинѣ, доходя до Азовскаго моря и нижняго теченія Дона. Отсылая за свѣдѣніями о кавказскихъ Аланахъ къ III тому нашихъ „Осетинскихъ Этюдовъ“, упомянемъ здѣсь тѣ немногочисленные извѣстія, которыя дошли до насъ объ Аланахъ Таврическихъ.

Уже покойный Ф. Брунъ высказалъ предположеніе, что поселеніе Сугдея (нынѣ Судакъ), основанное согласно припискѣ на древнемъ греческомъ синаксарѣ въ 212 году по Р. Х., обязано своимъ существованіемъ Аланамъ („господствовавшимъ въ то время надъ большей частью Таврическаго полуострова“) ⁶⁾. Къ нимъ же, вѣроятно, восходитъ и названіе Θεοδοσίη Ардава. Нѣтъ сомнѣнія, что прибывшіе на полуостровъ Готы уже застали тамъ Алановъ, которые, вѣроятно, уступали имъ численностью, потому что далеко не играли въ исторіи Тавриды такой роли, какъ новые пришельцы. Точно опредѣлить предѣлы, въ какихъ жили Аланы, едва-ли возможно. Можно только утверждать на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, что часть ихъ жила въ сосѣдствѣ съ Готами. Такъ въ концѣ XIV вѣка упоминается поселеніе „Аланія“, изъ-за котораго, равно какъ изъ сосѣднихъ поселеній — Партениты, Лампада, Алусты, Сикиты (нынѣ Никита) и Фуны шелъ споръ между двумя сосѣдними епархіями Херсонской и Готской ⁷⁾. Отмѣтимъ далѣе любопытный фактъ, сообщаемый анонимнымъ Перипломъ Чернаго моря, почти современнымъ Прокопію, что Готы, переселившіеся на Кавказъ въ мѣстность, лежавшую, приблизительно, между Анапой и Геленджикомъ, и получившіе названіе Евдусіанъ (Εὐδουσιανοί) говорятъ готскимъ и таврскимъ языкомъ ⁸⁾. Въ виду того, что, по словамъ того-же анонима, выше приведенное названіе Θεοδοσίη Ардава (или Авдарда) принадлежитъ аланскому или таврскому языку, слѣдуетъ думать, что и таврскій языкъ, который употребляли Готы, выселившіеся изъ Тавриды, наравнѣ со своимъ роднымъ, былъ языкъ аланскій, т. е., какъ мы доказали въ „Осетинскихъ этюдахъ“, предокъ нынѣшняго осетинскаго языка. Чтобы говорить, кромѣ своего собственнаго, еще и на аланскомъ языкѣ, Готы должны были находиться съ Аланами въ тѣсныхъ сношеніяхъ и жить съ ними въ сосѣдствѣ. Вліяніе аланскаго

⁶⁾ Черноморье, часть II, стр. 122.

⁷⁾ См. статью г. Васильевскаго, стр. 132; Брунъ. Черноморье II, стр. 229.

⁸⁾ Fragm. histor. Græc. V. 180. § 22. p. 182. „Отъ Синдики до Пагры прежде жили народы, называемые Кергетами или Ториксами, а теперь живутъ такъ называемые Евдусіаны, которые говорятъ готскимъ и таврскимъ языкомъ“.

языка на готскій подтверждается и слѣдующимъ лингвистическимъ фактомъ, повидимому, до сихъ поръ остававшимся безъ объясненія. Въ списокѣ названій готскихъ числительныхъ (приводимомъ барономъ Бузбекомъ), записанныхъ имъ въ Константинополѣ въ 1565 году отъ крымскихъ депутатовъ, мы находимъ вмѣсто германскихъ названій для числительныхъ 100 и 1000 названія иранскія; именно *sada* и *hazer*. Первое вполне совпадаетъ съ осетинскимъ-дигорскимъ *сăдă*, второе съ новоперсидскимъ *hăzâr*, которое въ этой-же формѣ должно было существовать и у древнихъ осетинъ (Алановъ), раньше чѣмъ было замѣнено тюркскимъ *мін* или сложениемъ *дăс сăді* *десять сотъ*. Числительныя вообще принадлежатъ къ такимъ словамъ, которыя считаются типичными и основными въ языкахъ, и примѣры заимствования бывають сравнительно крайне рѣдко, обыкновенно подъ вліяніемъ весьма тѣсныхъ торговыхъ или иныхъ сношеній одного народа съ другимъ. Такъ раннія торговыя сношенія съ Греками ввели въ нашъ языкъ греческое названіе для *сорока* (искаженное изъ *τεσσαράκοντα*) вмѣсто древне русскаго *четырьдесятъ*. Такими-же тѣсными сношеніями и сосѣдствомъ можно объяснить и то, что Готы замѣнили свои древнія числительныя *taihuntaihund* (100) и *thusundi* (1000, ново-нѣм. *Tausend*) аланскими названіями. Дальнѣйшія указанія на крымскихъ Алановъ уже были собраны покойнымъ Ф. Бруномъ. Такъ мы узнаемъ изъ Абульфеда, что въ Киркерѣ (=Чуфутькале) обиталъ народъ *ol As* или Аланы, что къ Аланамъ-христіанамъ, жившимъ въ окрестностяхъ Херсонеса было обращено письмо епископа Θεодора, (указанное академикомъ А. А. Куникомъ), что посланники, отправленные въ 1263 г. египетскимъ султаномъ Бибарсомъ къ Берке-хану и приставшіе къ Судакскому порту, свидѣтельствуютъ, что они, достигнувъ вершины горы, были встрѣчены намѣстникомъ этой области Табукомъ или Таюкомъ, который провожалъ ихъ до города Крыма (Солкаты), населеннаго Кипчаками, Русскими и *Аланами*; что въ письмѣ Марино Санудо къ французскому королю Филиппу VI въ 1334 г. къ народамъ, зависѣвшимъ отъ Татаръ, причислены *Gothi et aliqui Alani* въ Галгаріи, т. е. въ Газаріи, Крыму, и что Барбаро называетъ Аланіей страну отъ Крымскихъ горъ или Готіи до Монкастро, т. е. до Аккермана⁹⁾. Всѣ эти свидѣтельства позволяютъ думать, что еще въ среднихъ вѣкахъ въ Крыму, наряду съ Готами, могли сохраниться въ незначительномъ числѣ представители иранскаго населенія въ лицѣ христіанскихъ Алановъ.

Оба индоевропейскіе народа—Аланы и Готы—должны были въ эпоху великаго переселенія народовъ столкнуться съ тюркскими ордами Гунновъ Болгаровъ, наводнившихъ южную Россію и Таврическій полу-

⁹⁾ См. Брунъ. Черноморье II, стр. 136 и слѣд.

островъ. Разбирая съ обычнымъ мастерствомъ свидѣтельства Прокопія и другихъ писателей, г. Васильевскій ¹⁰⁾ приходитъ къ заключенію, что при вторженіи въ Тавриду Гунно-Болгаровъ, „Готы принуждены были очистить предъ ихъ напоромъ все пространство между Воспоромъ и Херсонесомъ и съ одной стороны перешли на другую сторону Киммерійскаго пролива, а съ другой—удержались на самомъ югѣ полуострова, подъ прикрытіемъ горныхъ кряжей“. Во времена Прокопія (т. е. въ VI в.) Гунны Кутургурь занимали плоскостную часть Крыма и держали въ своей зависимости прежнее его населеніе. Такъ, когда часть Кутургуровъ вернулась въ 551 г. въ Римскія владѣнія за Дунаемъ, то Юстиніанъ склонилъ подарками другую вѣтвь гунской орды—Утургуровъ, жившихъ на востокъ отъ Мэотиды рядомъ съ кавказскими Тетракситами или Евдусіанами, напасть на Кутургуровъ съ тылу, чтобъ отвлечь ихъ отъ Дуная, и, исполняя желаніе Юстиніана, Утургурь вмѣстѣ съ Готами Тетракситами перешли черезъ Донъ, чтобъ вторгнуться въ предѣлы Кутургуровъ ¹¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что именно противъ вторженія этихъ гунно-болгарскихъ полчищъ (Кутургуровъ) въ южную часть Крыма Юстиніанъ укрѣпилъ городъ Боспоръ, взявъ его у Гунновъ, и оградилъ стѣнами съ сѣвера область, гдѣ жили Готы.

Въ слѣдующія столѣтія на Тавриду простираетъ свою власть другое тюркское племя — Хазары, угрожая византійскимъ владѣніямъ (Херсону) и Готамъ. Въ житіи Іоанна Готскаго (VIII в.) сообщается, что въ его время хаганъ хазарскій овладѣлъ крѣпостью Готовъ Доросомъ и держалъ въ ней свой гарнизонъ. Св. Іоаннъ сталъ во главѣ возстанія Готовъ противъ Хазаръ, окончившагося неудачей, вслѣдствіе чего преподобный былъ посаженъ въ тюрьму, откуда бѣжалъ въ Амастриду. Изъ разсказовъ Теофана и Маврікія о бѣгствѣ въ Крымъ Юстиніана II видно, что въ то время почти весь полуостровъ былъ подвластенъ Хазарамъ, не исключая и Херсона, въ которомъ въ 710 г. упоминается хазарскій намѣстникъ или *тудунъ*. Вѣроятно Хазары занимали своими гарнизонами большую часть греческихъ поселеній до похода, предпринятаго противъ нихъ императоромъ Василиемъ въ 1016 г. По крайней мѣрѣ, въ отвѣтномъ письмѣ, написанномъ хаганомъ Іосифомъ къ министру испанскаго халифа, еврею Хасдаи, упоминаются, какъ подвластныя Хазарамъ мѣстности Крыма, Керць (Керчь), Ламбатъ, Бартинтъ, Алубика (Алупка), Куть, Манкупъ, Будахъ, Алма, Грузинъ или Грузивъ (Гурзуфъ) и занимающая насъ Алушта (названная въ письмѣ Алусъ ¹²⁾).

¹⁰⁾ Названное изслѣдованіе, стр. 112 и слѣд.

¹¹⁾ См. Васильевскій—наз. изслѣд. стр. 107.

¹²⁾ См. А. Гаркави. Сообщенія о Хазарахъ etc. въ Еврейской библіотекѣ, VII, стр. 160.

Если Гунно-болгаре и Хазары были первыми представителями урало-алтайцевъ, вторгнувшимися въ Крымъ, то въ дальнѣйшіе нѣка приливъ этого этническаго элемента все усиливается и завершается покореніемъ Крыма татарами въ XIII в.

Кромѣ племенъ, принадлежавшихъ индоевропейской и урало алтайской семьѣ народовъ, въ Тавридѣ были очень древнія колоніи евреевъ, явившихся сюда до Р. Х. До насъ дошли отъ нихъ надписи на греческомъ языкѣ, который они себѣ усвоили, поселившись среди Эллиновъ, а также довольно многочисленныя надгробныя плиты съ еврейскими надписями.

Такимъ образомъ, побережье Тавриды представляло въ древности пеструю „смѣсь одеждъ и лицъ“, пожалуй, не менѣе разнообразную, чѣмъ въ наше время. Близость моря, плодородіе почвы, обиліе лѣсовъ, теплый климатъ—все это привлекало сюда поселенцевъ какъ съ сѣвера изъ степей, такъ и съ юга, со стороны Малой Азіи. Понятно, что густота населенія и древность культуры должны были покрыть эти благодатныя мѣста памятниками, имѣющими важное значеніе для археологіи. И дѣйствительно, всякаго любителя археологіи уже при бѣгломъ обзорѣ поражаетъ обиліе и разнообразіе памятниковъ Таврической старины.

Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Алуштѣ въ первыхъ числахъ іюня 1886 года, я обратилъ вниманіе на нѣкоторые могильные памятники этой татарской деревни и ея окрестностей и рѣшилъ подвергнуть ихъ археологическому изслѣдованію.

Верстахъ въ четырехъ отъ аула, по дорогѣ, ведущей (мимо дачи Трахтенберга) въ горы, на правой сторонѣ, на небольшомъ бугрѣ, обросшемъ мелкимъ кустарникомъ мною было найдено сооруженіе, носящее на себѣ признаки глубокой древности. Оно представляетъ видъ невысокаго кургана, около 9 аршинъ въ діаметрѣ, укрѣпленнаго въ основаніи совершенно правильнымъ кольцомъ изъ огромныхъ, поставленныхъ на ребро, 29 камней, высотой отъ 1½ до 2-хъ аршинъ. Въ этомъ кругу насыпана земля частью на высотѣ верхнихъ оконечностей окружныхъ камней, частью ниже ихъ на ½ аршина. Внутренность кольца усѣяна небольшими камнями, такъ что представляется какъ-бы вымощенной. Въ серединѣ круга (кольца) навалены кучею большіе камни, изъ которыхъ одинъ въ видѣ столба, высотой въ 2 аршина, водруженъ на восточной сторонѣ, на разстояніи около сажени отъ края. Пространство вокругъ памятника усѣяно камнями, изъ которыхъ 2 большіе образуютъ какъ-бы входъ съ западной стороны. Куча массивныхъ камней на серединѣ круга производитъ, на первой

взглядъ, впечатлѣніе разрушенной и ограбленной гробницы. Однако, чтобъ провѣрить это предположеніе, я предпринялъ раскопку, при чемъ камни, лежавшіе въ серединѣ, были сдвинуты, и рабочіе въ теченіе трехъ дней, снявъ насыпную землю, дошли до материка, т. е. до скалы, на которой возведена была насыпь. Кромѣ черепковъ отъ грубой глиняной посуды, не было ничего найдено; но раскопка убѣдила насъ въ томъ, что могила была наружная и что это мегалитическое сооруженіе было воздвигнуто нѣкогда съ огромнымъ трудомъ. Каждый массивный камень былъ укрѣпленъ въ землѣ массой болѣе мелкихъ камней и притомъ камни большихъ размѣровъ были привезены съ горы Кастель, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ могилы. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Алушты такихъ камней нѣтъ. Несомнѣнно, что описанный памятникъ относится, какъ и другія подобныя же сооружения, къ древнѣйшимъ мегалитическимъ памятникамъ Крыма, строителями которыхъ нѣкоторые археологи считаютъ Киммерійцевъ.

Въ самомъ селеніи Алуштѣ привлекаютъ вниманіе два могильника, считаемые туземцами за старинныя кладбища Грековъ. Одинъ изъ нихъ расположенъ на невысокомъ бугрѣ при въѣздѣ въ Алушту со стороны Симферополя, близъ дачи г. Нарбута и г-жи Ге, и въ настоящее время перерѣзанъ дорогою, ведущею изъ Алушты въ Козмодеміановскій монастырь.

Другой могильникъ, совершенно того же типа, расположенъ на бугрѣ близъ моря, надъ шоссею дорогой, ведущей въ Ялту, близъ подъема къ развалинамъ башни, сооруженной Юстиніаномъ. Внизу, подъ вторымъ могильникомъ, въ настоящее время стоитъ зданіе кордона. Въ обоихъ могильникахъ наружные признаки могилъ составляютъ массивныя, неотесанныя каменные плиты разныхъ размѣровъ: меньшія длиною въ 2, шириною въ 1 арш., большія—длинною въ $3\frac{3}{4}$ арш., шириною до $2\frac{1}{2}$ арш., толщиною отъ $\frac{1}{2}$ арш. до $\frac{3}{4}$ арш.—Въ обоихъ могильникахъ было раскопано 16 могилъ ¹³⁾, которыя для опредѣленія способа погребенія дали слѣдующіе результаты. Каменные плиты покоятся или прямо на землѣ, или на дубовыхъ брускахъ, образующихъ какъ-бы раму. Съ западной стороны могилы нерѣдко поставленъ одиночный камень, указывающій на положеніе головы покойника. По снятіи плиты оказывался слой насыпной земли, толщиною отъ $\frac{1}{2}$ аршина до $1\frac{1}{4}$ арш. Въ этомъ слое были находимы кости бараньи и птичьи и черепки посуды изъ бѣлой и красной глины, съ зеленой или желтой поливой и съ орнаментами въ видѣ черточекъ, глазковъ, листьевъ и т. п. ¹⁴⁾. Въ виду того, что кладбище находится въ самомъ селе-

¹³⁾ 3 въ верхнемъ и 13 въ нижнемъ.

¹⁴⁾ См. Тѣб. I, №№ 10—13.

ни, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ построекъ, слѣдуетъ думать, что черепки, кости и т. п. попадали случайно на поверхность земли и затѣмъ при копаніи могилъ оказывались въ верхнихъ слояхъ насыпной земли. Подъ слоемъ этой земли встрѣчались плиты (обыкновенно 3), покрывающія склепъ, выложенный изъ неотесанныхъ камней, положенныхъ плашмя или на ребро и скрѣпленныхъ изрѣдка глиной или известью; въ большинствѣ однако склепы сложены насухо. Длина этихъ каменныхъ ящиковъ достигаетъ отъ $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ арш., ширина — отъ $\frac{3}{4}$ арш. до 1 арш., глубина отъ $\frac{1}{2}$ арш. до $\frac{3}{4}$ арш. Большинство склеповъ оказалось фамильными и содержало отъ 2-хъ до 6 костяковъ, при чемъ кости только послѣдняго покойника лежатъ въ порядкѣ — головой на западъ, ногами на востокъ, — а кости предшественниковъ представляютъ кучки въ ногахъ и головахъ послѣдняго костяка. По не всегда правильному положенію средней изъ трехъ плитъ, составляющихъ крышку склепа, слѣдуетъ заключить, что новые покойники вводились туда по снятіи именно средней плиты. Въ головахъ у нѣкоторыхъ покойниковъ попадались иногда въ значительномъ количествѣ косточки отъ черешни, зерна винограда и пшеницы. Въ ногахъ въ одной могилѣ могильника близъ башни было найдено днище небольшой фляги изъ стекла. Что касается вещей, то въ этомъ отношеніи могилы оказываются весьма бѣдными. Намъ встрѣчались обыкновенно лишь куски перетлѣвшей льняной матеріи и кожаной обуви, и перегорѣвшіе обломки желѣзныхъ орудій, о которыхъ себѣ нельзя составить понятія. Впрочемъ въ трехъ, очевидно женскихъ, могилахъ были найдены болѣе интересные предметы: 1) серебряное, искусной работы, ожерелье ¹⁵⁾, состоящее изъ отдѣльныхъ частей разныхъ формъ, именно овальныхъ бусинокъ съ желобками на поверхности, такихъ-же бусинокъ, но ажурныхъ и подвѣсокъ въ видѣ трехъ треугольниковъ ажурной работы со слѣдами эмали ¹⁶⁾. 2) Въ той-же могилѣ оказалась серебряная булава съ головкой изъ египетской пасты (распавшейся при прикосновеніи ¹⁷⁾), и нѣсколько серебряныхъ дутыхъ шарообразныхъ подвѣсокъ съ ушками ¹⁸⁾. 3) Въ другой могилѣ была найдена другая серебряная булава съ ажурной тонкой работы головкой, къ которой на ушкѣ подвѣшено украшеніе въ видѣ луны ¹⁹⁾. 4) Въ третьей могилѣ (близъ кордона) оказался мѣдный перстень съ горнымъ хрусталемъ фіолето-

¹⁵⁾ См. Таб. I, № 1.

¹⁶⁾ Тожественное съ этимъ ожерелье находится въ Историческомъ Музее и было найдено въ могилѣ близъ Керчи, впрочемъ, безъ другихъ указаній.

¹⁷⁾ Таб. I, № 2.

¹⁸⁾ Таб. I, № 3.

¹⁹⁾ Таб. I, № 4.

ваго цвѣта ²⁰⁾). Наконецъ въ одной могилѣ было найдено нѣсколько бусъ изъ сердолика, стекляннаго сплава въ видѣ мозаики и зеленого стекла ²¹⁾). Слѣдуетъ замѣтить еще, что сохранившіяся ножныя и ручныя кости свидѣтельствуютъ о высокомъ ростѣ покойниковъ и что въ нѣсколькихъ могилахъ были найдены значительно деформированные макрокефалическіе черепа, напоминающіе по формѣ черепа, добытые мною на Кавказѣ изъ баксанскихъ могилъ, близъ аула Былыма. (Очевидно, высокій лобъ достигался тѣмъ, что въ дѣтствѣ повязывали ребенку плотно голову или надѣвали на нее металлическій обручъ, вслѣдствіе чего черепъ росъ вверхъ и становился необыкновенно высокимъ и узкимъ).

Конечно, отсутствіе надписей и незначительное количество вещей не даютъ возможности приписать изслѣдованныя могилы какой-нибудь опредѣленной народности, но все-же всѣ признаки, взятые вмѣстѣ, позволяютъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія о культурѣ этихъ древнихъ обитателей Алустана.

Такъ виноградныя, пшеничныя зерна и косточки черешни, попадающіяся въ могилахъ, а также грецкіе орѣхи, указываютъ на то, что населеніе, хоронившее своихъ покойниковъ въ склепахъ, занималось земледѣліемъ и культурой нѣкоторыхъ плодовыхъ деревьевъ и винограда, слѣдовательно, жило уже въ осѣдомъ быту. Серебряныя вещи, отличающіяся хорошей работой, очевидно, не туземнаго происхожденія, и были добываемы путемъ торговли. Посуда съ желтой, коричневой и голубой поливой также была, вѣроятно, не мѣстнаго происхожденія, а привозилась изъ близкой Керчи, славившейся своими гончарными издѣліями. Впрочемъ, какъ мы выше видѣли, черепки посуды были находимы не въ самыхъ склепахъ, а въ насыпныхъ слояхъ близъ поверхности, такъ что должны быть рассматриваемы отдѣльно отъ вещей, найденныхъ внутри склеповъ.

Въ виду скудости предметовъ, добытыхъ изъ описанныхъ могилъ, едва-ли возможно сказать что-нибудь положительное о времени и національности погребеннаго въ нихъ населенія. Алуштинскіе татары называютъ оба могильника греческими, но это убѣжденіе мѣстнаго населенія безъ другихъ доказательствъ, конечно, не имѣетъ большаго значенія, такъ какъ помимо грековъ близъ укрѣпленія Алустана могли жить въ средніе вѣка и другія народности, напримѣръ, Готы, Аланы, Хазары.

Быть можетъ, для опредѣленія національности алуштинскаго древняго населенія больше послужатъ, если не теперь, то впослѣдствіи,

²⁰⁾ Таб. I, № 5.

²¹⁾ Таб. I, № 6, 7 и 8.

деформированные черепа, найденные нами въ нѣкоторыхъ могилахъ, такъ какъ макрокефалическіе черепа находимы были и въ другихъ могильникахъ Крыма—близъ Керчи, Инкермана и Біа-Сала. Д. Н. Анучинъ, въ своемъ изслѣдованіи о древнихъ искусственно-деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи (Москва 1887 г.), ссылаясь на²² показанія крымскихъ археологовъ, гг. Гросса и Люценка, утверждаетъ, что деформированные черепа не попадаются въ *греческихъ* гробницахъ и катакомбахъ, но были находимы въ земляныхъ гробницахъ людей бѣднаго класса, открываемыхъ въ сплошныхъ могильныхъ мѣстахъ на горѣ Митридатъ и въ небольшихъ катакомбахъ, притомъ весьма бѣдныхъ вещами. Культура, слѣды которой мы встрѣчаемъ въ могилахъ крымскихъ макрокефаловъ, гораздо бѣднѣе греческой и относится, по всѣмъ признакамъ, къ другому народу и къ болѣе поздней эпохѣ, можетъ быть, тождественной или близкой къ той, къ которой приурочиваютъ керченскія катакомбы, т. е. къ I—IV вѣкамъ по Р. Х.²²). Вообще макрокефалическіе черепа въ европейскихъ могилахъ, по мнѣнію Бера и Анучина, появляются въ началѣ среднихъ вѣковъ, въ эпоху великаго переселенія народовъ. Около этого времени, по словамъ г. Анучина, произошло, повидимому, какое-то передвиженіе племенъ, сопровождавшееся и появленіемъ макрокефаловъ на территоріи черноморскихъ греческихъ колоній. Передвиженіе это продолжалось и въ слѣдующіе вѣка, какъ-то доказываютъ находки макрокефалическихъ череповъ въ западной Европѣ, въ могилахъ англосаксовъ и франковъ,—какъ на то намекаютъ извѣстія Сидонія Аполлинарія объ уродливой, вытянутой кверху головѣ Гунновъ,—какъ въ пользу того-же говоритъ нахожденіе деформированныхъ череповъ въ курганахъ кочевниковъ Задонскихъ и Заволжскихъ степей. Одно за другимъ выходили племена изъ степей Средней Азіи и распространялись затѣмъ въ южную Россію, въ ущелья сѣвернаго Кавказа и западную Европу. Между этими племенами были, несомнѣнно, тюркскія, но въ болѣе раннюю эпоху, повидимому, и индоевропейскія. Впрочемъ, обычай деформированія головы ни у одного изъ этихъ племенъ не былъ распространенъ сплошь, а практиковался, повидимому, лишь извѣстными родами и былъ доводимъ до крайней степени только въ нѣкоторыхъ болѣе обособленныхъ уголкахъ, какъ, напримѣръ, въ Крыму или въ ущельяхъ западнаго Кавказа²³).

Этимъ наблюденіямъ надъ макрокефалическими черепами не противорѣчатъ и условія, при которыхъ они были нами найдены въ алуштинскихъ могилахъ. И здѣсь макрокефализмъ проявляется рѣзко не во

²²) Назван. соч., стр. 22.

²³) Тамъ-же, стр. 49.

всѣхъ, а только въ нѣкоторыхъ черепахъ, между тѣмъ какъ другіе не представляютъ слѣдовъ деформации. Далѣе, на не слишкомъ глубокую древность указываетъ сравнительная сохранность костей и череповъ, а также нѣкоторыхъ предметовъ—остатковъ матерій и кожи отъ обуви. По этимъ признакамъ можно, повидимому, заключить, что древнѣйшія могилы восходятъ къ началу среднихъ вѣковъ. Впрочемъ, въ тѣхъ-же могильникахъ могло хоронить своихъ покойниковъ и послѣдующее населеніе Алушты вплоть до того времени, когда окончательно водворившееся мусульманство вызвало основаніе другого могильника.

Вообще, можно думать, что оба могильника въ самой Алуштѣ, особенно тотъ, который тянется почти у подножья замка, построеннаго Юстиніаномъ, принадлежатъ первымъ основателямъ поселенія, для защиты которыхъ, конечно, уже тогда, когда поселеніе было многолюдно и представляло нѣкоторое значеніе для Византіи, былъ построенъ и самый замокъ. Древнѣйшія могилы близъ замка, вѣроятно, уже существовали раньше его возведенія, т. е. раньше VI-го столѣтія.

Спрашивается, какой національности могло принадлежать *древнѣйшее* населеніе Алушты? Судя по описаннымъ могиламъ, не представляющимъ ничего типическаго греческаго, это населеніе не принадлежало къ Эллинамъ, хотя, быть можетъ, среди него и жили Греки. Но на неэллинизмъ указываютъ и названія Алушты (*Ἀλούστον*) и Гурзуфа (*Γορζοοβίται*), не звучація по гречески. Византійскіе писатели называли это *варварское* населеніе неопредѣленно Тавроскиѳами, что, конечно, не даетъ никакихъ этнографическихъ указаній; но и для насъ едва-ли явится возможность когда-нибудь болѣе точно опредѣлить національность этихъ варваровъ. Въ виду вышеуказанныхъ слѣдовъ иранскаго элемента, сохранившихся, напримѣръ, въ древнемъ названіи близъ лежащаго Аюдага (Вриксава) и Судака, тавроскиѳское населеніе, быть можетъ, принадлежало къ вѣтви Сарматовъ или Алановъ; но столько же вѣроятія, что оно принадлежало какому-нибудь болѣе древнему племени, предшествовавшему въ этихъ мѣстахъ иранскимъ Сарматамъ. Во всякомъ случаѣ, едва-ли можно думать, что древнѣйшее населеніе Алушты принадлежало къ тюркскимъ племенамъ, которыя уже съ эпохи Гунновъ начинаютъ вторгаться въ предѣлы Тавриды. Въ пользу Тюрковъ могли-бы свидѣтельствовать макрокефалическіе черепа, въ виду существованія деформации головы у нѣкоторыхъ народовъ этого племени (напр., у Гунновъ). Но, съ одной стороны, изслѣдованіе крымскихъ макрокефалическихъ череповъ не обнаружило въ нихъ признаковъ монгольства, съ другой — обычай деформированія головы встрѣчался и встрѣчается доселѣ и у народовъ индоевропейской семьи; такъ, напримѣръ, у Грековъ на р. Цалкѣ, у Армянъ,

у Курдовъ ²⁴⁾. Въ самомъ Крыму были найдены В. И. Сизовымъ деформированные черепа въ могилахъ поздняго *греческаго* кладбища въ Біа-Сала ²⁵⁾. Впрочемъ, если бы макрокефалическіе алуштинскіе черепа и дѣйствительно принадлежали Тюркамъ, то нужно вспомнить, что большинство алуштинскихъ череповъ не носятъ слѣдовъ деформациі, такъ что деформированные могли принадлежать отдѣльнымъ родамъ, быть можетъ, отличнымъ по племени отъ главной массы населенія древней Алушты.

Итакъ, повторяемъ, по вопросу о національности покойниковъ алуштинскихъ могильниковъ пока не представляется возможнымъ сдѣлать какія-нибудь опредѣленные заключенія. Что-же касается періода, въ теченіе котораго могильники принимали покойниковъ, то мы склонны отнести *начало* его приблизительно къ V или VI вѣкамъ по Р. Х. Однако, могильники могли быть утилизуемы и значительно позже, въ періодъ вліянія тюркскихъ племенъ на древнее населеніе Крыма и, быть можетъ, о послѣднемъ вліяніи свидѣлствуютъ спорадически встрѣчающіеся макрокефалическіе черепа.

При разрытіи одной могилы оказалась врытая стоймя въ землю небольшая известковая плита, представляющая отломокъ отъ плиты болѣе длинной. На одной сторонѣ ея края украшены спиральнымъ орнаментомъ, а въ серединѣ виднѣется часть выпуклой фигуры, представляющей изображеніе какого-то трудно опредѣлимаго орудія; между орудіемъ съ боковыми орнаментами оказалась сильно вывѣтрившаяся греческая надпись, содержащая нѣкогда 7 строчекъ съ каждой стороны, причемъ на каждую строчку приходилось не болѣе одного слова. Лѣвая колонна начинается *крестомъ*, за которымъ можно различить слова: $\text{Εν} \epsilon \alpha$ (т. е. $\epsilon \nu \epsilon \alpha$) = 9 (1-я строка), $\delta \acute{\epsilon} \chi \alpha$ = 10 (2-я строка) и затѣмъ нѣкоторыя отдѣльныя буквы. Въ 1-й строчкѣ правой колонны читается начало имени $\Theta \epsilon \omicron \delta \omega$ ($\rho \omega$): дальнѣйшія-же слова нѣтъ возможности разобратить. (См. таб. II, 2).

Описанная плита съ греческой надписью покрывала нѣкогда христіанскую могилу; но въ послѣдствіи ею воспользовались какъ матеріаломъ для другой могилы, и она очутилась зарытою въ землѣ.

Другая могильная плита свидѣлствуетъ, повидимому, о существованіи еврейскаго кладбища гдѣ-то близъ Алушты. Въ саду, на дачѣ гг. Пугачевыхъ, намъ указали плиту изъ сѣраго гранита съ явственнымъ изображеніемъ *семисвѣтника* и съ *еврейской* надписью изъ 13 буквъ ²⁶⁾. Изображеніе и надпись высѣчены довольно глубоко. Кстати

²⁴⁾ См. назв. соч. Д. Н. Анучина, стр. 40 и слѣд

²⁵⁾ Тамъ-же, стр. 30.

²⁶⁾ Величина плиты съ еврейской надписью 69 с., ширина 42 с., толщина 8 с.; величина плиты съ греческой надписью 36—41 с., ширина 28,5 с., толщина 11 с.

нельзя не упомянуть, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ имѣніи Партенить, находящемся у подошвы Аюдага въ немногихъ верстахъ отъ Алушты, были найдены четыре могильные плиты съ еврейскаго кладбища. Три изъ нихъ имѣютъ еврейскія надписи, которыя проф. Хвольсонъ (Сборникъ еврейскихъ надписей, стр. 140—143) относитъ по палеографическимъ признакамъ къ II, III—VIII вѣкамъ. (См. таб. II, 1).

Помѣщаемъ здѣсь мнѣніе спеціалиста по еврейскому языку И. И. Соловейчика объ алуштинской плитѣ, находящейся въ настоящее время въ помѣщеніи Московскаго Археологическаго Общества.

„На этомъ камнѣ въ верхней его части высѣчено изображеніе семисвѣщника, съ правой стороны котораго находится *lûlâb* (пальмовая вѣтвь). Надъ семисвѣщникомъ высѣчена надпись, состоящая, повидимому, изъ двухъ словъ. Первое изъ нихъ можно было бы прочесть *schâlôm*, т. е. *миръ*, еслибы это чтеніе не дѣлала сомнительнымъ третья буква, крайне оригинальная по своей формѣ. Второе слово не поддается дешифрированію. Подъ этой строкой на камнѣ высѣчены еще буквы, отдѣленные одна отъ другой эмблемами. Такъ, съ лѣвой стороны семисвѣщника находится буква *lamcd* (l) довольно большихъ размѣровъ; а подъ ней еще какой-то знакъ, въ родѣ греческой Г, значеніе котораго мнѣ неизвѣстно²⁷⁾; между семисвѣщникомъ и пальмовой вѣтвью видны буквы *aleph* и *resch* (r); направо отъ пальмовой вѣтви замѣтны неясныя очертанія двухъ буквъ, какъ мнѣ кажется, *schin* (sh) и *jod*. (j). Я предполагаю, что всѣ эти буквы, разъединенныя эмблемами, образуютъ одно слово, именно *Jisrâ'êl*, т. е. Израиль. Такъ какъ я не могу дешифрировать первой строки, то и смыслъ всей надписи остается для меня непонятнымъ. Г. Хвольсонъ слѣдующимъ образомъ выражается о еврейскихъ надгробныхъ надписяхъ, найденныхъ близъ Партенита и на Таманскомъ полуостровѣ: „Особенность какъ этихъ (партенитскихъ) надгробныхъ надписей, такъ и таманскихъ состоитъ въ томъ, что онѣ упорно не поддаются разъясненію“. (Сборн. еврейск. надп., стр. 143). Эти слова вполне приложимы и къ нашей надписи“.

Послѣ изслѣдованія обоихъ Алуштинскихъ могильниковъ я предпринялъ раскопки по ту сторону рѣчки Салгира, близъ шоссеиной дороги въ Ялту, на участкахъ г-жи Малыгиной и татарина Хаджимуры. Здѣсь на холмѣ, шагахъ въ 300 отъ дороги, было найдено при раскопкѣ земли подъ виноградникъ основаніе древней церкви, которое собственницей участка было разобрано по камню, такъ что въ настоящее время отъ церкви не осталось и слѣда. Близъ этой церкви, по словамъ тузем-

²⁷⁾ Быть можетъ, этотъ знакъ есть *тама*, какъ полагалъ покойный проф. Григорьевъ (см. Труды III Международнаго Съѣзда Оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ 1876 г. Томъ I, стр. 576, прим. ред.), ср. однако замѣчанія г. Хвольсона. (Сборн. евр. надписей, стр. 134).

цевъ, при обработкѣ земли встрѣчалось много могилъ (до 200), но почти не попадалось вещей. Миѣ были переданы г-жей Малыгиной только небольшой кувшинчикъ изъ красной глины, 2 мѣдныхъ колечка ²⁸⁾; одно изъ проволоки, другое изъ пластины, незамкнутыя и небольшой предметъ въ родѣ пряжки изъ свинца ²⁹⁾. Чтобъ составить себѣ понятіе о способѣ погребенія, практиковавшемся въ *верхнемъ* могильникѣ, я раскопалъ 4 могилы, которыя дали слѣдующіе результаты. Въ первой могилѣ (на участкѣ г-жи Малыгиной) насыпная земля представляла пластъ въ 22 вершка; подъ нею оказалась цѣльная плита, составлявшая крышку могильнаго склепа незначительныхъ размѣровъ, сложеннаго изъ камней на извести. Длина ящика не превышала 1 арш. 7 вершковъ, ширина—11½, глубина достигала 1 аршина. Вслѣдствіе давленія крышки боковыя стѣнки частью обрушились и засыпали внутренность могилы. Впрочемъ, по положенію ножныхъ костей можно заключить, что покойникъ былъ похороненъ въ полусидячемъ положеніи. Черепъ оказался въ кускахъ; вещей не было найдено.

На участкѣ татарина Хаджимуры могилы идутъ по склону горы и наружными признаками ихъ служатъ отдѣльные камни. Подъ насыпью, отъ 4 до 19 вершковъ толщины, оказался каменный ящикъ, сложенный насухо и покрытый тремя плитами. Длина ящика—2 арш. 5 верш., ширина—1 арш., глубина—11 верш. Внутри находилось нѣсколько скелетовъ, обращенныхъ головами на юго-западъ. Въ ногахъ были найдены черепки отъ глиняной чашки; въ землѣ, покрывавшей дно могилы, намъ попались слѣдующіе предметы: желѣзная пряжка, незамкнутое кольцо изъ серебряной проволоки ³⁰⁾, бронзовая шарообразная дутая пуговица съ ушкомъ ³¹⁾, черепки отъ стекляннаго сосуда, кусочки угля, желѣзная стрѣла ³²⁾, куски перетлѣвшей кожи отъ обуви, куски большой черепицы, раковина отъ устрицы, виноградныя зерна и грецкій орѣхъ.

Вторая могила была завалена большими камнями, которые, надавливая на крышу, сильно разрушили каменный ящикъ и наполнили его землей. Въ ящикѣ (длиной въ 2 арш. 8 верш., шириной въ 13 верш. и глубиной въ 7 верш.) оказались въ безпорядкѣ кости нѣсколькихъ скелетовъ. Изъ вещей найдены только черепки глинянаго сосуда и желѣзное кольцо ³³⁾.

²⁸⁾ Таб. I, №№ 9 и 14

²⁹⁾ Таб. I, № 18.

³⁰⁾ Таб. I, № 19.

³¹⁾ Таб. I, № 20.

³²⁾ Таб. I, № 15.

³³⁾ Таб. I, № 21.

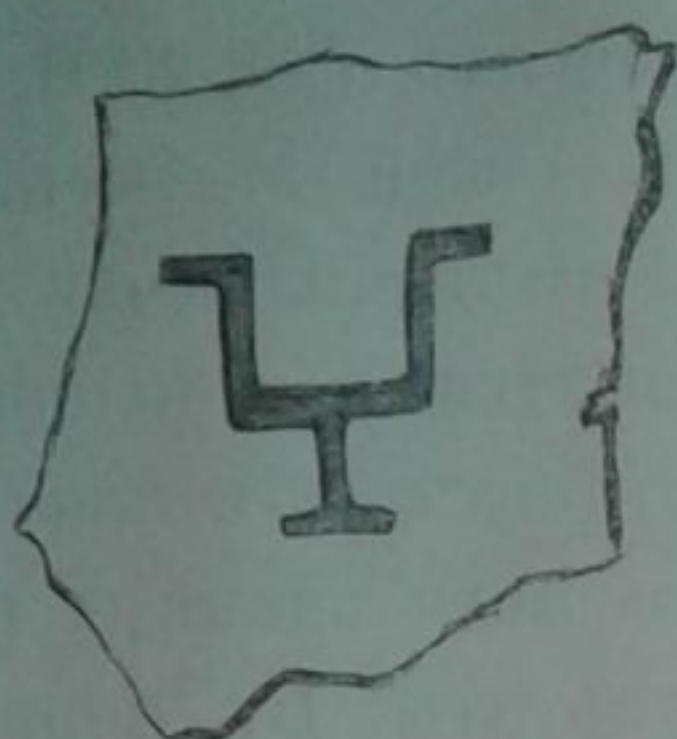

Рис. 1.

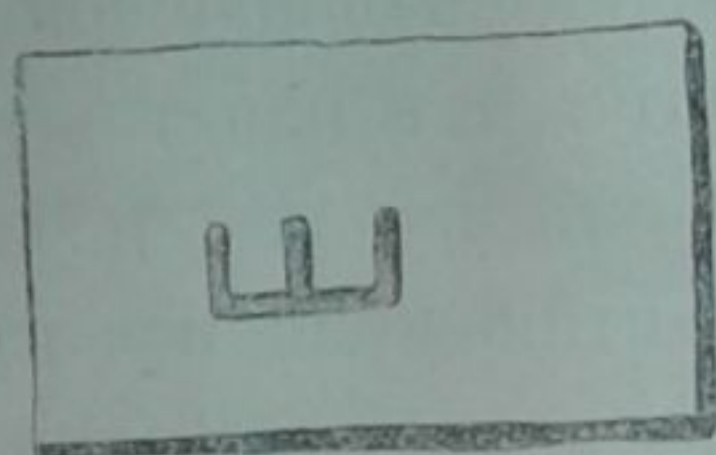

Рис. 2.

Рис. 3.

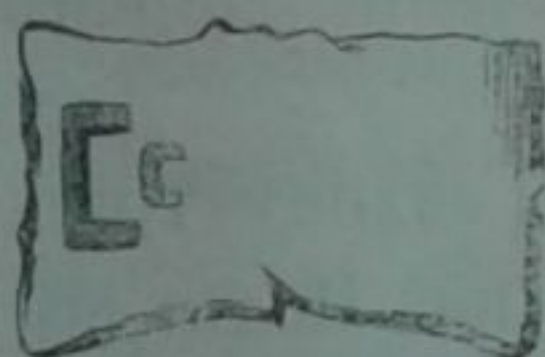

Рис. 4.

Рис. 5.

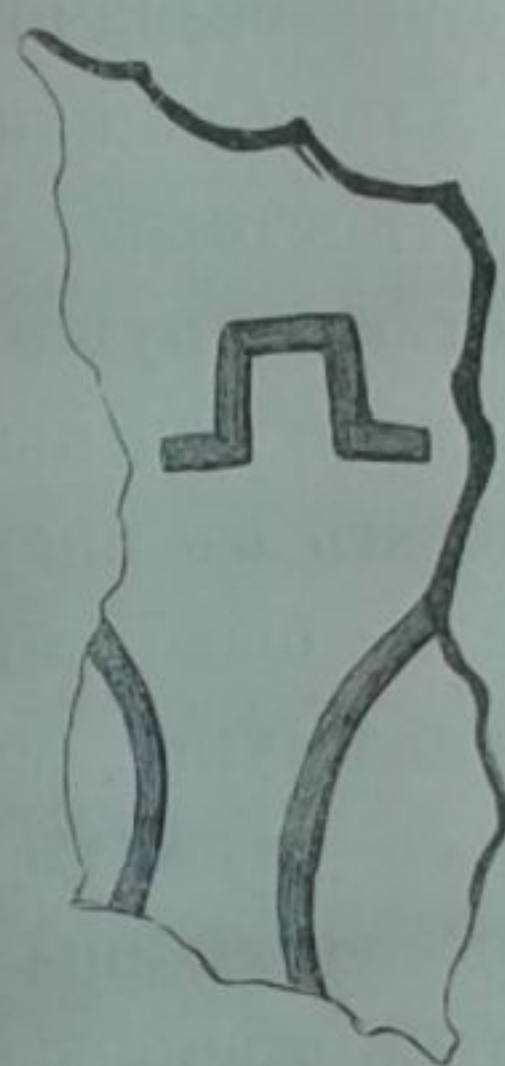

Рис. 6.

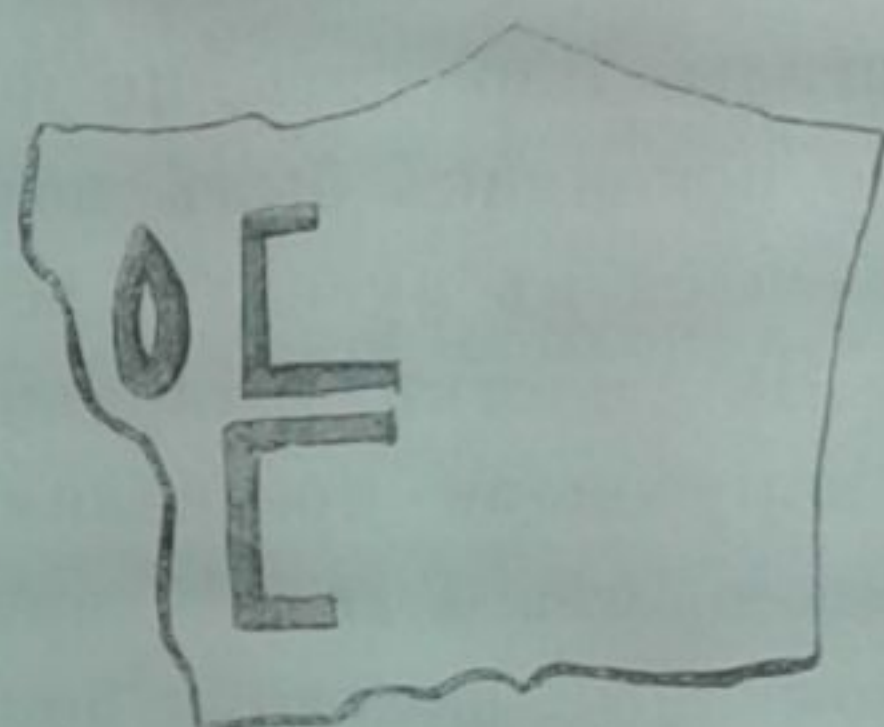

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Въ третьей могилѣ, такой же конструкціи (длина ящика 2 арш. 9 верш., ширина 8 верш., глубина 6 верш.), найдены двѣ бусы изъ пасты ³⁴⁾, части свурковъ въ родѣ петлей, обернутыхъ бронзовой спиралью ³⁵⁾, раковины отъ устрицъ и черешневые косточки.

³⁴⁾ Таб. I, №№ 16 и 17.

³⁵⁾ Таб. I, № 22.

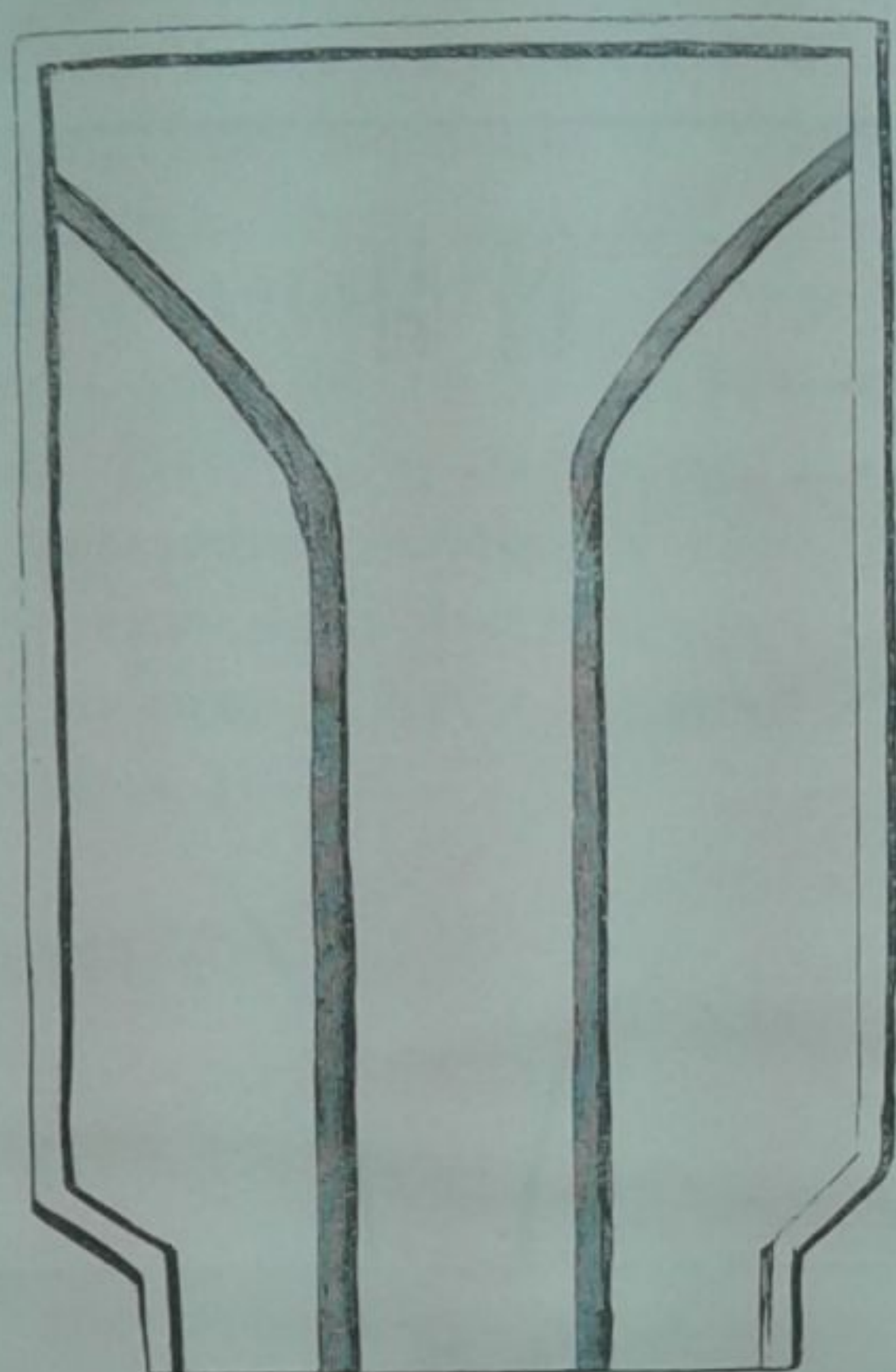

Рис. 10.

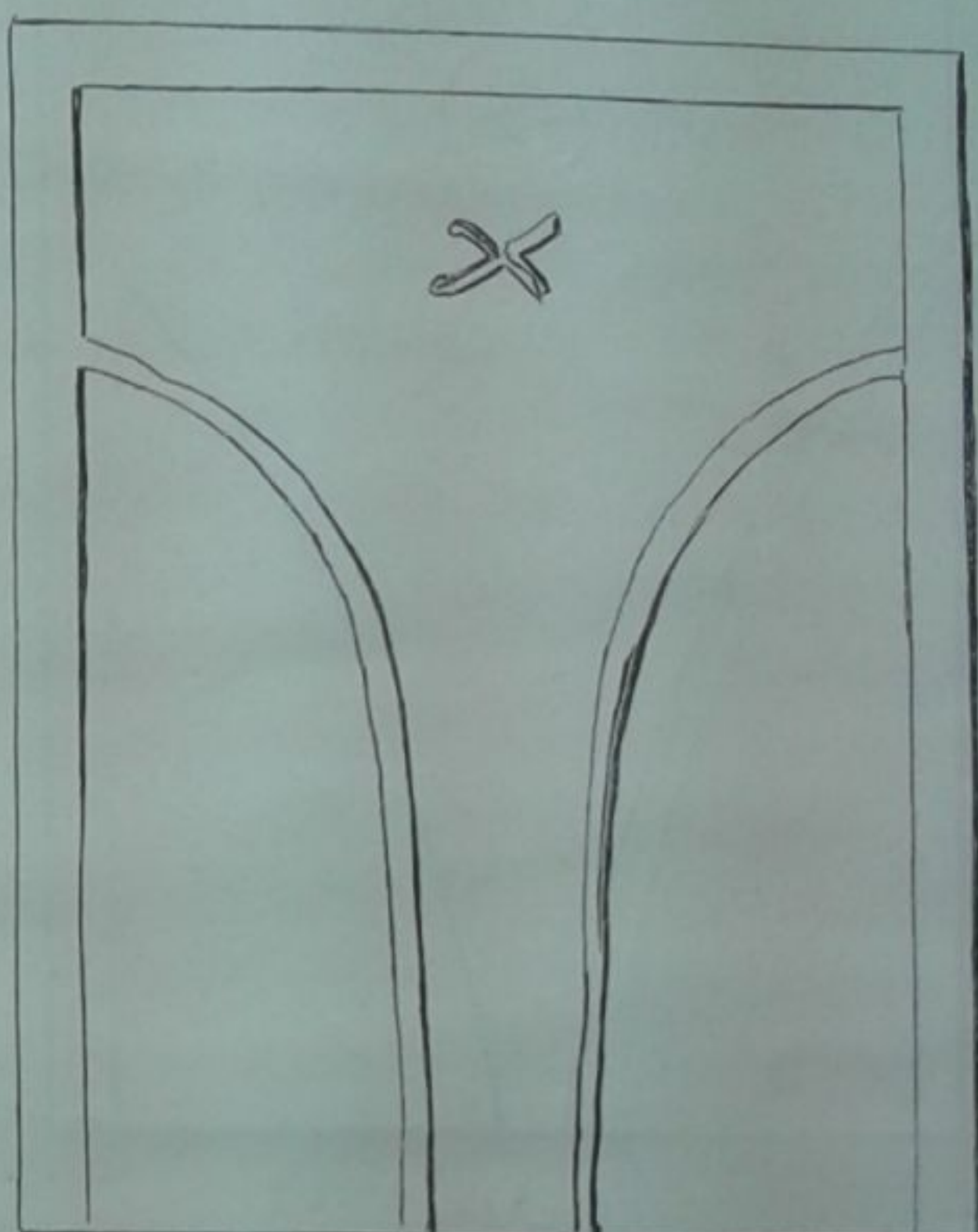

Рис. 11.

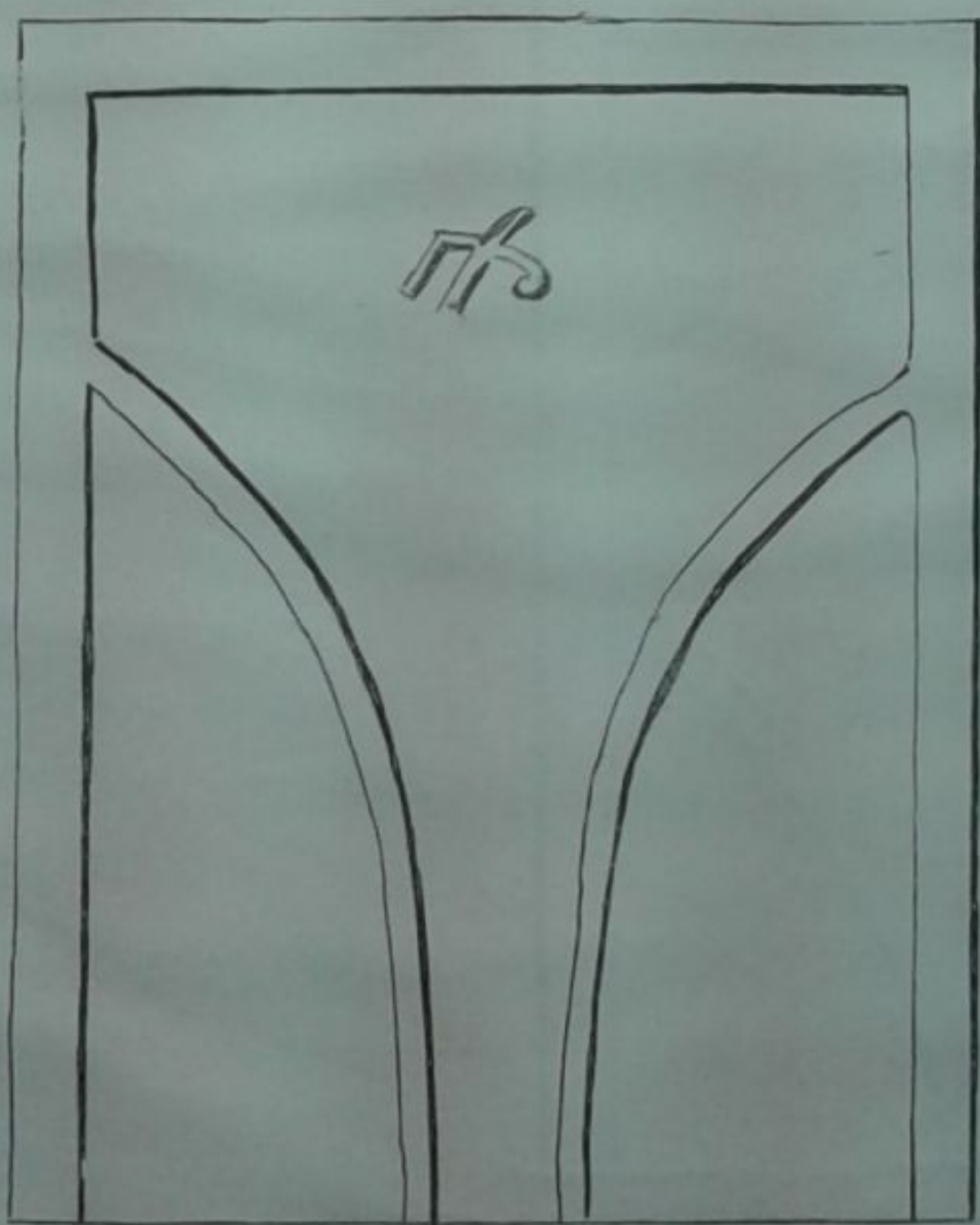

Рис. 12

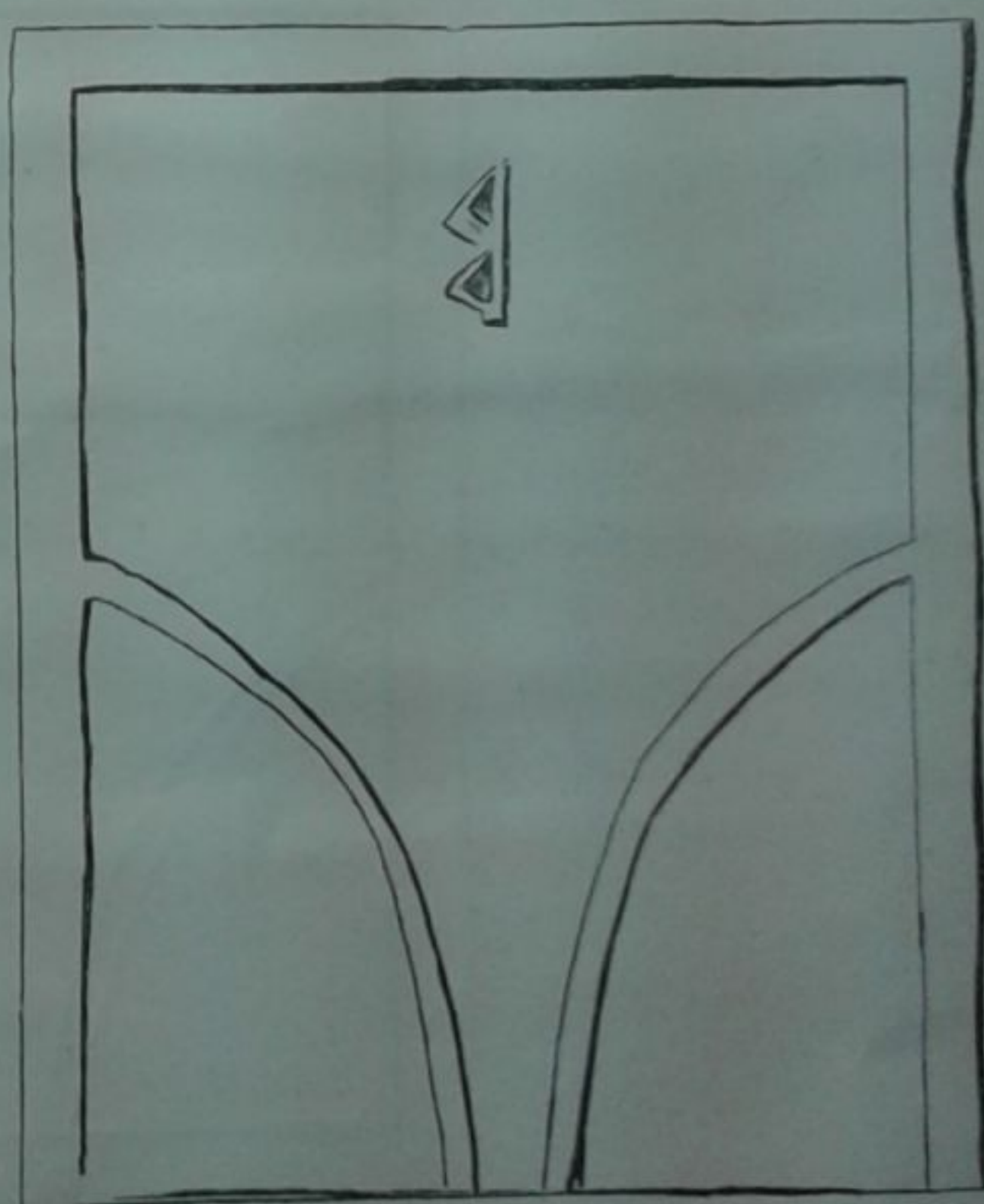

Рис. 13.

Нѣтъ сомнѣнія, что могилы близъ древней церкви принадлежали христіанскому населенію Алушты, хотя національность послѣдняго не можетъ быть въ точности опредѣлена. Отсутствіе крестовъ и надписей и состояніе костей свидѣтельствуютъ о глубокой древности опи-

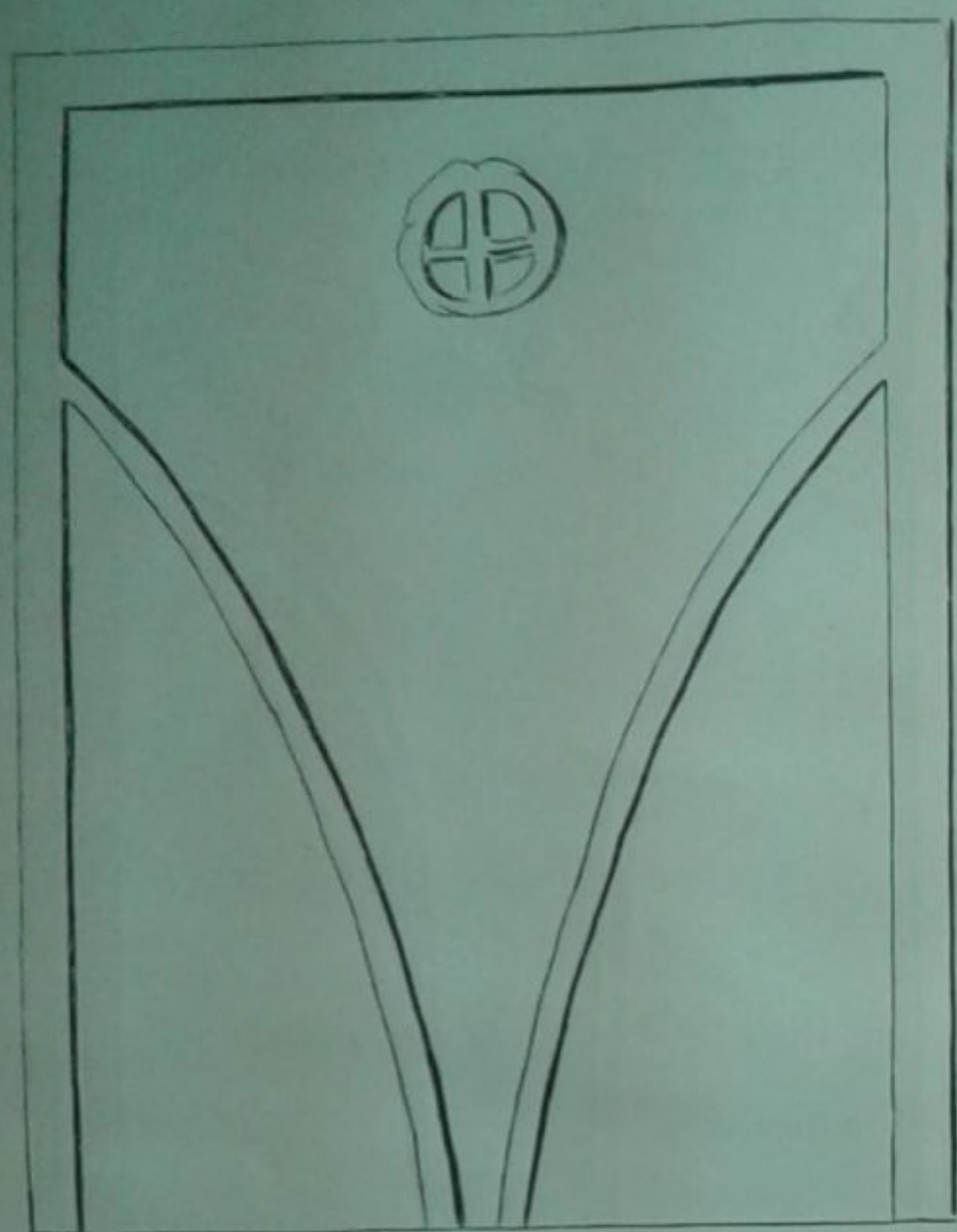

Рис. 14.

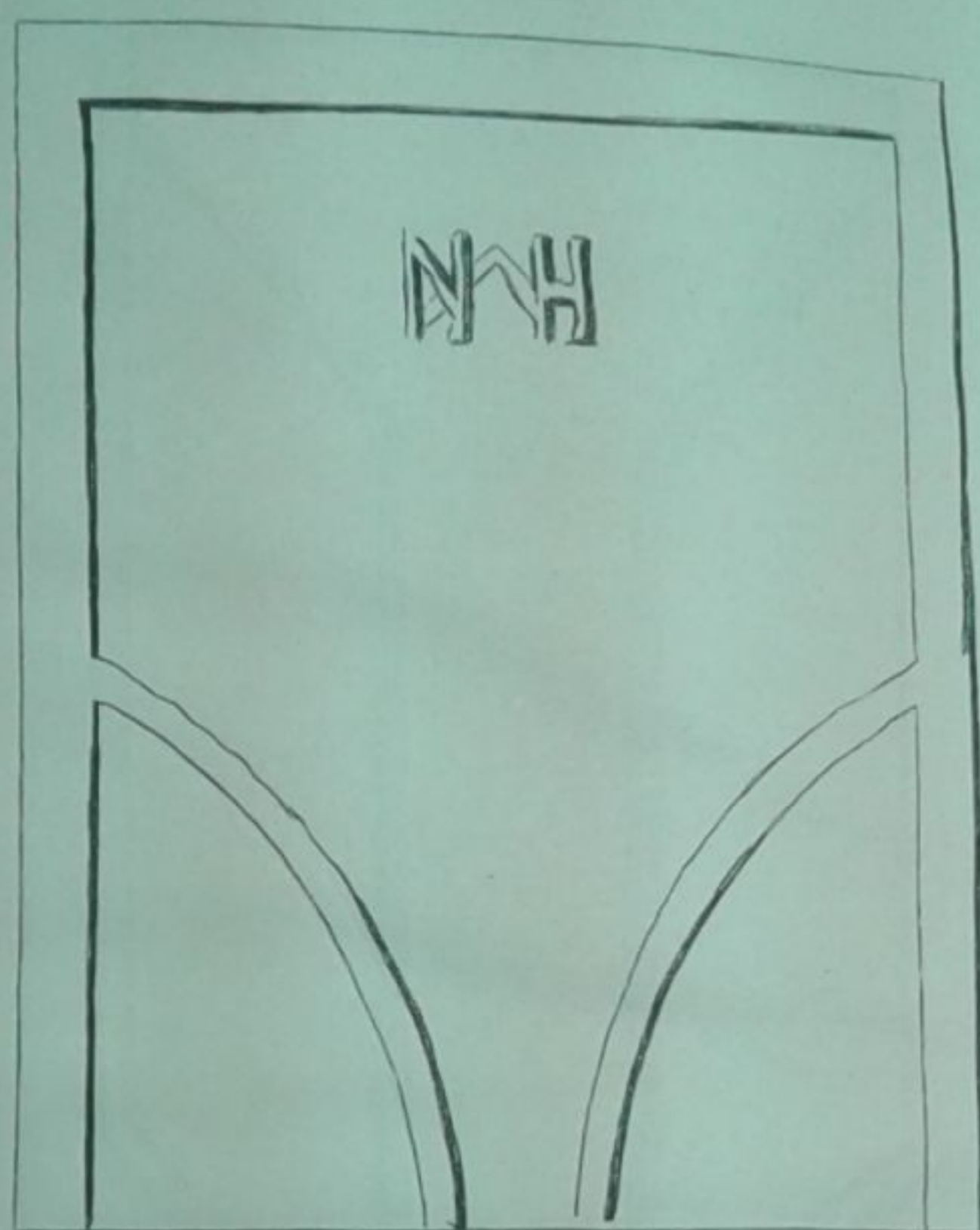

Рис. 15.

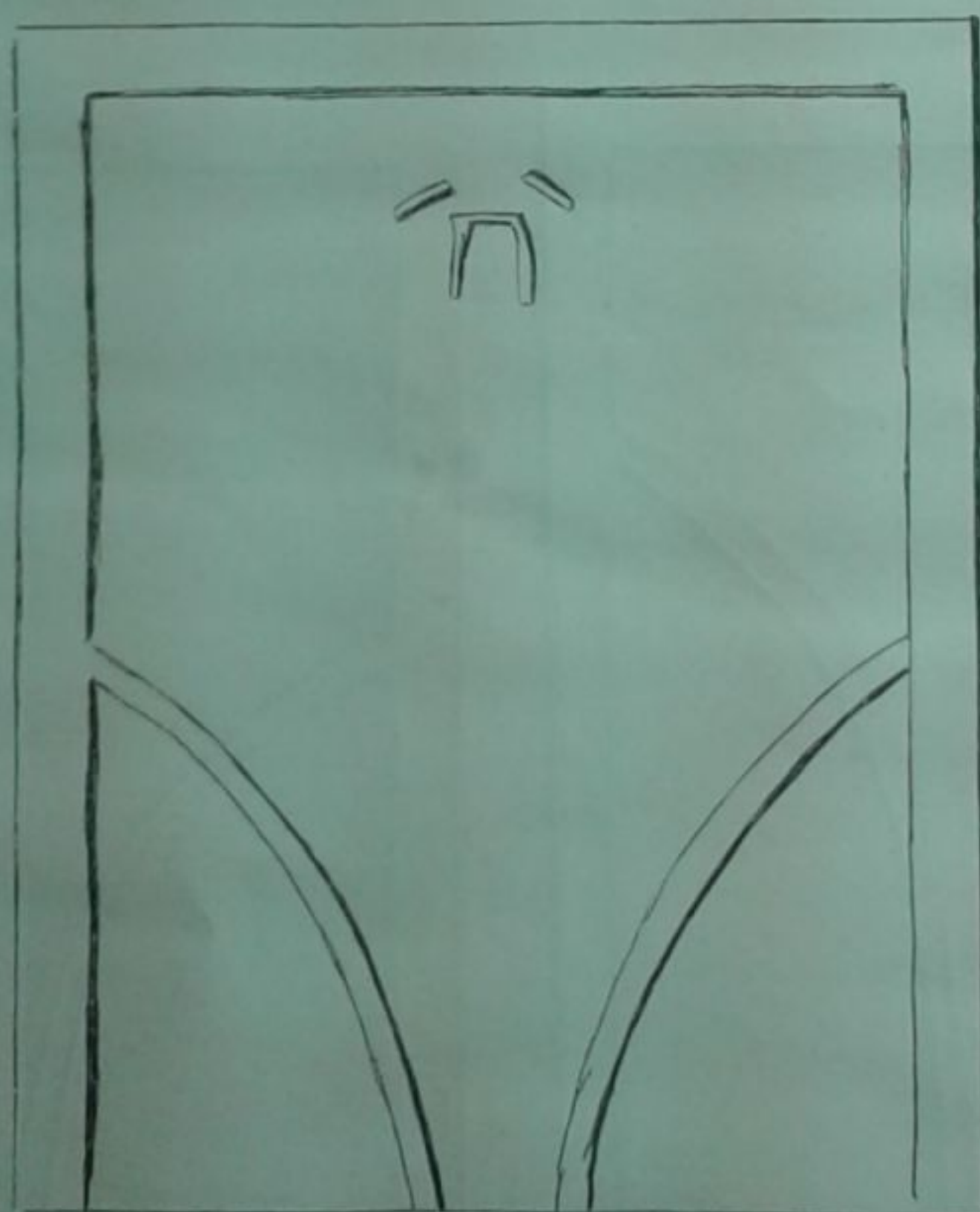

Рис. 16.

санныхъ могилъ, любопытныхъ еще въ томъ отношеніи, что въ нѣко-
торыхъ костяки оказывались въ сидячемъ положеніи.

Замѣтимъ, что на всемъ пространствѣ могильника и церкви попа-
даются въ землѣ куски черепицы и глиняныхъ плитъ съ разнообраз-
ными клеймами, которыя представлены нами въ рисункахъ 1—9. Здѣсь

встрѣчаются, на примѣръ, буквы, похожія на греч. Н, на русское ш, греч. Σ, знакъ въ родѣ греч. Ψ, буквы Π, Ο и нѣкоторые другіе. Очевидно, эти черепицы и плиты произведенія греческаго гончарнаго искусства. Матеріалъ ихъ красная и бѣлая глина. На слѣдующемъ рядѣ рисунковъ (10 — 16) представляемъ 7 черепицъ, изъ которыхъ первая (рис. 10), безъ клейма, найдена нами въ Алуштѣ, прочія *шесть* (рис. 11—16), съ клеймами, взяты изъ мѣста Поликлиси, близъ Ялты, и обязательно сообщены намъ Д. М. Струковымъ. Тотъ же художникъ доставилъ намъ 6 отдѣльныхъ клеймъ, срисованныхъ имъ съ черепицъ, найденныхъ у Ялты на дачѣ г. Драшусова. Помѣщаемъ ихъ на рисункахъ 17—18.

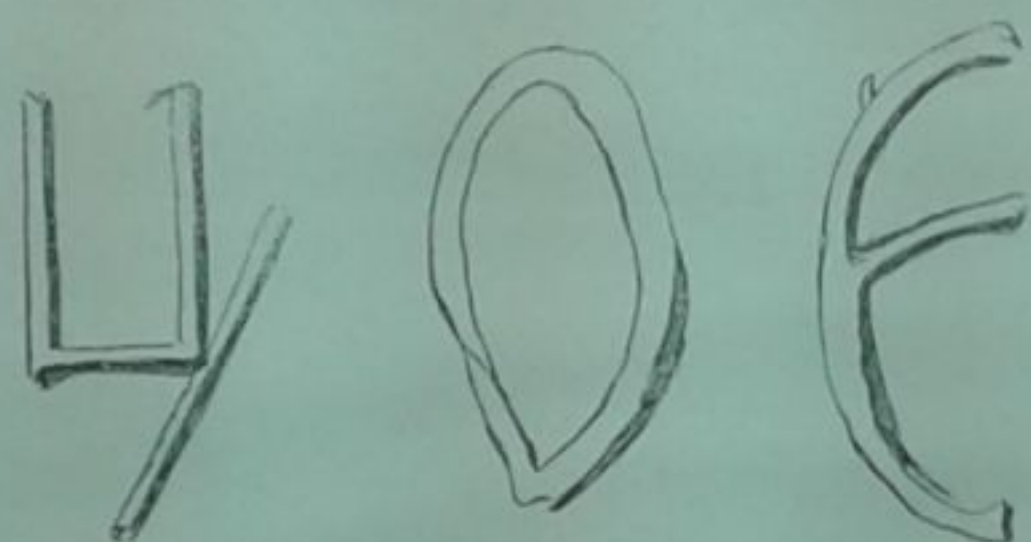

Рис. 17.

Рис. 18.

Замѣтимъ въ заключеніе, что между сваленными въ кучу камнями отъ церкви попадались намъ также глиняные голосники, въ 1 вершокъ въ діаметрѣ, и куски мрамора.

Кончая этимъ мои замѣтки о древностяхъ Алушты, я долженъ замѣтить, что, по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, могъ посвятить лишь нѣсколько дней раскопкѣ алуштинскихъ могильниковъ, которые несомнѣнно заслуживаютъ болѣе обстоятельнаго изслѣдованія.